

— Немного, — наконец опомнилась Линь Цинсянь, добавив это, чтобы Уэхара Мэй не продолжала говорить с ней на японском. — Правда так больно? — перевела она тему, чтобы избежать дальнейшего обсуждения.

Мэй села, протянула запястье и кивнула:

— Очень больно, будто обожгли огнём, поэтому я и поступила так невежливо.

Она опустила голову, ясно видя красный след на бедре Цинсянь, оставшийся после того, как она пыталась справиться с болью.

— Боль — это признак того, что лекарство работает, — улыбнулась Цинсянь, схватив здоровую руку Мэй и зажав её между своих бёдер.

Затем она взяла повреждённую руку, направив распылитель на запястье:

— Сейчас будет.

— Мм, — Мэй плотно сжала губы и закрыла глаза.

— Пшшш...

Цинсянь нажала на распылитель.

— Ммм...

Мэй сжала губы, издавая лишь болезненный стон. Она изо всех сил старалась выдержать жгучую боль, и её лицо покраснело от усилий.

— Потерпи ещё немного.

Цинсянь приготовилась снова нажать на распылитель.

— Нужно повторить несколько раз, чтобы подействовало. Скоро боль пройдёт.

Мэй открыла глаза, и они действительно были полны слёз, готовых хлынуть наружу. Она слегка кивнула:

— Пожалуйста, помягче. Я... я раньше так не делала, всегда наносила лекарство пальцами.

— Не волнуйся, у меня неплохо получается. Когда я училась в университете, я наносила лекарство другим, и они говорили, что это было совсем не больно, даже приятно!

С этими словами Цинсянь несколько раз подряд нажала на распылитель, и обильные струи

лекарства полились на покрасневшее и опухшее запястье.

— А-а-а!

Непрерывное жжение оказалось слишком сильным для Мэй. Она больше не могла терпеть эту боль и закричала, почти рыдая, пытаясь освободить руку, которую Цинсянь крепко держала.

— Скоро всё закончится, — Цинсянь ещё раз побрызгала, затем отложила распылитель и положила руку на покрасневшее запястье Мэй.

Прежде чем та успела понять, что происходит, она начала мягко массировать.

— Больно!

Слёзы наконец потекли по лицу Мэй.

— Не плачь, не плачь, — успокаивала Цинсянь, но руки не останавливались. — Скоро всё пройдёт, и станет легче.

Она говорила, чтобы отвлечь Мэй, и её движения стали быстрее.

— Нет, нет! Я больше не могу, так больно! Ммм... эй! — Мэй металась на диване, словно рыба, выброшенная на берег, и наконец высвободила другую руку из захвата Цинсянь.

Цинсянь тут же остановилась, и в этот момент Мэй вдруг сказала:

— Сестра Цинсянь, я хочу, чтобы ты снова сделала то же самое. Последний раз было так приятно, будто я растаяла.

— Ты имеешь в виду, что опухоль и жжение прошли? — Цинсянь сглотнула.

— Мм, — кивнула Мэй. — Спасибо, сестра Цинсянь. Я пойду помою руки.

— А, хорошо, — кивнула Цинсянь.

— Сестра Цинсянь, ты была такой крутой! Я тебя обожаю! С сегодняшнего дня я твоя настоящая фанатка!

— Ха? Фанатка? Помогать другим — это наш долг, это нельзя назвать героическим поступком, — улыбнулась Цинсянь, сложив руки в приветствии.

— Хватит тут играть героя. Зарплату ты получишь, но наказание ещё не закончилось. Иди к

кассе и продолжай работать, — подошла к ним Ли Лин, бросив на Цинсянь злобный взгляд.

— Вау, мастерство закатывания глаз у тебя на высшем уровне! Ты, наверное, легендарная директриса? — Цинсянь, недолго думая, продолжила играть роль молодого героя.

— Сегодняшняя зарплата аннулирована, — сквозь зубы проговорила Ли Лин.

— Пфф, — стоявшая рядом Вэйи не смогла сдержать смешка.

— Ли Вэйи, ты тоже хочешь лишиться зарплаты? — скрестила руки на груди Ли Лин, и холодный взгляд из-под очков заставил Вэйи броситься наутек. — Я уже иду работать...

— Сэр, вы заказали капучино без сахара или капучино без молока? — шутка Вэйи вызвала смех среди посетителей, разрядив напряжённую атмосферу.

— Пфф, — Цинсянь прикрыла рот, сдерживая смех, ведь перед ней стояла сама Ли Лин, «старая дева», и ещё не ушла.

— Смейся, если хочешь, — сказала Ли Лин. — Сегодня ты хорошо справилась. Я хочу поблагодарить тебя.

Цинсянь посмотрела на неё, улыбнулась и ответила:

— Не за что.

В её глазах появилась непонятная теплота.

— Я пойду работать.

Напевая, она легкой походкой направилась к кассе.

— Сегодня День Победы, вечером в Новом районе будет фейерверк. Обратите внимание, что частное использование фейерверков в Новом районе запрещено, берегите окружающую среду, — с экрана телевизора за кассой красивая ведущая монотонно читала с суфлёра.

— Три ключевых момента могут так сильно изменить всё... — пробормотала про себя Цинсянь.

Она уже давно здесь жила и выделила три отличия от своего мира.

Первое: Юань Шикай не провозгласил себя императором, а стал уважаемым президентом, и хаос междоусобиц так и не наступил.

Второе: во время Второй мировой войны США не разработали атомную бомбу, поэтому Япония

также подверглась высадке войск союзников, и план её упадка был успешно выполнен.

Бывшая Фусан (Япония) оказалась разделённой: Хоккайдо был оккупирован Советским Союзом и Францией, Хонсю — США, Сикоку — Китаем и Великобританией, а на Кюсю было создано совместное правительство пяти держав для поддержания формального существования государства Фусан (Япония).

Третье: теперь, когда Советский Союз давно распался, а Российская Федерация стала одной из новых пяти постоянных членов ООН, ситуация в мире значительно изменилась.

Поэтому новые пять постоянных членов ООН вывели войска с Хоккайдо и Сикоку, упразднили совместное правительство союзников на Кюсю и создали новое правительство, оставив лишь оккупированные территории на Хонсю, которые Япония называет Новым районом.

— Цинсянь! — оклик Ли Лин заставил её оторваться от телевизора.

— Что, директор? — Цинсянь потеряла глаза, которые устали от постоянного чтения.

Ли Лин улыбнулась:

— Я пришла сменить тебя. Иди обедать.

— Уже? — машинально взглянув на телефон, Цинсянь увидела, что уже половина двенадцатого.

— После обеда я буду на кассе, а ты продолжай быть нашей вывеской, — одним предложением Ли Лин определила, чем Цинсянь будет заниматься после обеда.

— А, хорошо, — кивнула Цинсянь. — Тогда я пойду обедать.

Она уже заметила, как Вэйи машет ей.

— Иди, после обеда работа может быть сложнее, — кивнула Ли Лин, жестом веля Цинсянь поспешить.

Вэйи, увидев, что Цинсянь подходит, тут же подбежала к ней и, словно кокетничая, сказала:

— Сестра Цинсянь, я добавила в твой сэндвич жареные помидоры.

При этом она даже потерлась о Цинсянь.

— Вау, Вэйи, лесбиянка, хочет завоевать сестру Цинсянь! — подняли шум официантки, и громче всех кричала девушка с чуть смуглой кожей, излучавшей здоровье. Ей было около двадцати, и она выглядела очень энергичной с низким хвостом.

— Хуан Дажун, я тебе рот порву! — бросилась Вэйи, схватив Хуан Дажун за руку.

<http://bllate.org/book/15427/1365133>